

*письма
о любви*

А. Пушкин, А. Чехов, А. Блок, А. Ахматова и другие

Письма и дневники

Сергей Нечаев

Письма о любви

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Нечаев С. Ю.

Письма о любви / С. Ю. Нечаев — «Издательство АСТ»,
2018 — (Письма и дневники)

ISBN 978-5-17-106636-9

В этой книге собраны письма русских писателей XIX и XX вв. – А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Фета, И. Гончарова, А. Герцена, В. Брюсова, А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина и других. Любовь, как драгоценный камень, переливается в их строках всеми цветами радуги, обнажая тонкие струны души. Читатель проникает в чужую тайну и открывает для себя много неожиданного в биографиях известных писателей, в сюжетах созданных ими художественных произведений. Он становится свидетелем большого счастья, мучительных страданий, головокружительных признаний и вспоминает свою собственную историю любви.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-106636-9

© Нечаев С. Ю., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Василий Жуковский	6
Александр Грибоедов	19
Александр Пушкин	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Письма о любви

Автор-составитель Сергей Нечаев

Серия «Письма и дневники»

© А. Ахматова, наследники, 2018

© С. Нечаев, автор-составитель, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Когда недавней старины
Мы переписку разбираем,
И удивления полны —
Так много страсти в ней читаем,
Так много чувства и тоски
В разлуке, столько слез страданья,
Молить и просьб о дне свиданья, —
Мы в изумленье: далеки
Те дни, те чувства!.. Холод света
Отравой дохнул на них!..
Его насмешек и навета,
Речей завистливых и злых
Рассудок подкрепил влиянье;
Разочаровано одно
Из двух сердец... Ему смешно
Любви недавней излиянье!..

Евдокия Ростопчина

Василий Жуковский

Летом 1805 года Василий Андреевич Жуковский, будущий известный поэт, работавший пока бухгалтером в Главной соляной конторе, но уже имевший за плечами несколько собственных произведений и переводов Коцебу и Сервантеса, стал наставником своих племянниц – дочерей тульского губернского предводителя дворянства Андрея Ивановича Протасова и его супруги Екатерины Афанасьевны (урожденной Буниной).

Андрей Иванович умер незадолго до этого, оставив после себя большие картонные долги. Екатерина Афанасьевна, будучи стесненной в средствах, не могла нанять учителей и попросила об услуге Жуковского, только что окончившего Московский университетский пансион.

В те времена образованием девочек занимались весьма поверхностно, однако Жуковский очень серьезно подходил к роли учителя. По утрам они занимались историей, читали Геродота и Тацита, вечером были философия, литература и эстетика. И очень скоро Василий Андреевич стал задаваться вопросом: а можно ли быть влюбленным в ребенка? Речь шла о романтическом влечении к старшей из девочек – 12-летней Марии.

Мария, в отличие от своей сестры, считалась некрасивой. По характеру она была замкнутой, тогда как Александра была девочкой живой и веселой. Мать с Машей была излишне строга, и та чувствовала себя одинокой.

Любовь Жуковского нашла понимание в окружавшем поэта родственно-дружеском кружке, исключая только саму Екатерину Афанасьевну, женщину твердую и решительную. Когда летом 1807 года 24-летний Жуковский попытался открыто заговорить с ней о чувствах к Марии, Екатерина Афанасьевна ответила ему резким отказом, так как считала дочь племянницей Василия Андреевича, а следовательно, брак между ними – противным церковному закону. Кроме того, по мнению матери, дочь ее была еще слишком молода. И для Жуковского начались долгие годы борьбы за свое счастье.

От отца, Афанасия Ивановича Бунина, Екатерине Афанасьевне остались два села в Орловской губернии – фамильное Бунино и Муратово, куда летом 1810 года Протасова решила переехать.

Жуковский отправился вместе с Протасовыми. Он даже принял участие в строительстве усадебного дома: провел съемку местности, составил и рассчитал планы строительства.

В мае 1811 года ушла из жизни приемная мать Жуковского – Мария Григорьевна Бунина. Похоронив ее, Василий Андреевич, чтобы быть ближе к Марии Протасовой, купил дом в деревне Холх, в полуверсте от усадьбы Екатерины Афанасьевны. Теперь он мог ежедневно видеться с 18-летней Марией. Василий Андреевич решился на еще одно объяснение с Е. А. Протасовой, но та вновь заявила, что «по родству эта женитьба невозможна». Удивительно то, что Екатерина Афанасьевна не считала Жуковского (приемного сына родителей) братом, но при этом была твердо уверена: Маша – его племянница.

Сложившуюся ситуацию Жуковский переживал очень тяжело, и это стало причиной его печального настроения, сетований на судьбу, одиночество, послужило темой для целого ряда грустных романсов и элегий, в которых горькая доля поэта занимала главное место. Но нападение на Россию Наполеона и Отечественная война 1812 года заставили Жуковского на время забыть о личном несчастье. Он записался в Московское ополчение поручиком, а с войны вернулся штабс-капитаном и кавалером ордена Святой Анны 2-й степени. После возвращения в Муратово Василий Андреевич снова посватался к Марии, тогда уже и она изъявила согласие выйти за него замуж, и... снова получил отказ: Екатерина Афанасьевна упрямо настаивала – браки между близкими родственниками недопустимы.

Жуковский же был уверен, что жизнь дана человеку для счастья, и он старался убедить в этом и свою любимую.

25–26 февраля 1813 г. Муратово

Василий Жуковский. Из «Дневника»

Сам бросить своего счастья не могу: пускай его у меня вырвут, пускай его мне запретят; тогда по крайней мере не я буду причиной своей утраты. Жертвовать собой не значит еще соглашаться, что жертва необходима и угодна Богу, которому ее насильно приносят. Он дал мне совесть. Отчего же эта совесть спокойна, когда я рассматриваю желания своего сердца, и рассматриваю их в уверенности, что у меня есть строгий свидетель; отчего, представляя исполненными свои намерения, чувствую в себе самую чистую радость, вижу себя лучшим? Неужели это доказательство, что мои намерения дурные? А какое другое правило вернее в суждении о самом себе. Я же не один: прекрасные люди, истинные христиане, одобряют меня; а мнение, противящееся мне, само по себе сомнительно, и для тех, которые его имеют. Если бы человеку, совершенно равнодушному, надлежало произнести приговор, что бы он сказал? Одно мнение поддерживает истинный христианин, но оно разрушает счастье; другое, ему противное мнение, также истинный христианин защищает, и оно дает счастье – которое справедливо?.. Без сомнения то, на которой стороне счастье, ибо оно оправдывается. Так бы должен был решить беспристрастный, но наш судья – мать. Мои намерения достойны моего Творца, и моя молитва к нему: чтобы он исполнением их дал мне единственный способ его удостоиться в жизни или чтобы скорее взял от меня обратно жизнь, совершенно бесплодную. Вот вся моя исповедь.

Очередной решительный отказ матери привел к ухудшению здоровья юной Марии Протасовой. А в ноябре 1813 года в деревню Холх, по приглашению Жуковского, приехал его друг Александр Федорович Воейков. Несмотря на внешнюю непривлекательность, Воейков произвел впечатление на Екатерину Афанасьевну, но особенно – на Александру. Короче говоря, он очень понравился Протасовым, и Жуковский решил, что Воейков поможет ему сломить сопротивление Екатерины Афанасьевны.

23 марта 1814 года было объявлено о браке Александра Федоровича с младшей из сестер Протасовых – Александрой. Но, несмотря на обещание, Воейков ничего не сделал для решения «ситуации с Марией».

Однако Жуковский принял живейшее участие в судьбе Воейкова и устроил его профессором в Дерптский университет, и все семейство Протасовых решило перебраться в Дерпт – нынешний город Тарту. Жуковский добился разрешения ехать вместе с ними – на положении «брата».

Протасовы с Воейковым прибыли в Дерпт 15 февраля 1815 года, а Жуковский – 16 марта.

Живя в Дерпте, среди «немцев», вращаясь в кругу профессоров, углубляясь исключительно в немецкую поэзию, Жуковский даже стал находить какую-то особую прелесть в замкнутой жизни маленького университетского городка. Он был горячо привязан к семейству своей сестры, и многочисленные попытки друзей переманить его из Дерпта в Санкт-Петербург, чтобы подумать о будущем и о карьере, были напрасны.

Конечно, вероломство Воейкова стало ударом для Жуковского. Перед свадьбой Александры поэт продал Холх и передал ей в подарок 11 000 рублей. Так как жить ему теперь было негде, Екатерина Афанасьевна пригласила его в Муратово.

В очередной раз поэт сватался в апреле 1814 года, и снова Протасова-старшая отказала ему. По этому поводу Жуковский жаловался своей племяннице А. П. Елагиной (урожденной

Юшковой, по первому браку Киреевской). Авдотья Петровна знала о привязанности Жуковского к Маше и была его союзницей в хлопотах о получении согласия на брак от Екатерины Афанасьевны.

16 апреля 1814 г. Муратово

Василий Жуковский – Авдотье Елагиной

Здравствуйте, милая моя сестра, новая знакомка и старый друг! Вы мне дали на дорогу добрый запас размышлений и чувств. Месяца за два я бы не вообразил, что мне будет можно поехать с *грустью* из Долбина в Муратово, – бедные мы люди! Думаем о бессмертии, о *горнем* <...> отдаленном счастье, а под носом не видим того, что может нас утешать и делать довольнее. Наше путешествие сделало и моему сердцу большое добро; оно помогло ему найти находку – *доверенность* к дружбе, прежде смешанную с сомнением, потом почти совсем разрушенную, – обратить в веру, не есть ли это находка? И не везде ли видно доброе Провидение? Отымая с одной стороны, оно всегда заменяет с другой. С полной доверенностью я сунулся было просить дружбы там, где было одно притворство, и меня встретило предательство со всем своим отвратительным безобразием – от вас не думал ничего требовать, и все само сделалось. Эта мена ничуть не убыточная; а вместе с нею и добрый урок.

Вот вам моя реляция. Поехав от вас, я думал ночевать в Черни¹. Но в Болхове узнал, что Плещеев, мой добрый негр, который белых книг не страшится, приехал один из Ельца. Я скорее в Чернь; но его не застал – он уехал в Муратово. Переменив лошадей, скачу за ним. Ночь и страшная грязь не выпустили меня из Козловки, и я ночевал у Марии Николаевны. Она сказала мне официальную новость: *свадьба назначена 2 июля, а после свадьбы едут в Дерпт*². Я поглядел на своего спутника – вы его знаете. Больная, одержимая подагрою надежда, которая скрепя сердце тащится за мною на костылях и часто отстает. – Что скажешь, товарищ! – Что сказать? Нам недолго таскаться вместе по белу свету. После второго июля – что бы ни было – мы расстанемся! Или покину тебя одного и бреди как хочешь! Или оставлю тебе свою сестрицу, которая лучше меня и гораздо лучшее (но только для добрых) *исполнение*. С нею дурной человек становится хуже, а добрый гораздо добрее. Она приготовит тебя к тому обетованному краю,

Где вера не нужна, где места нет надежде,
Где царство вечное одной любви святой!

– А если останусь один! – Тогда! Готовься, как умеешь сам, к переселению в этот край! Но едва ли удастся получить пропускной билет!

Разве чудо путь укажет
В сей прелестный край чудес!

¹ Имение Чернь принадлежало Александру Андреевичу Плещееву, двоюродному брату Маши и Саши Протасовых, с которым познакомился и подружился Жуковский. – *Здесь и далее примечания автора-составителя.*

² Речь идет о свадьбе А. А. Протасовой и А. Ф. Воейкова.

– Но ждать чуда? Кто его дождется! – И я тоже думаю! – Что же делать! – Не знаю! А для меня верно только то, что мы расстанемся! – вот вам слово в слово весь наш разговор.

Поутру рано приезжаю. Плещеев здесь по делам <...>

А мой подагрик³ шепнул мне на ухо: терпи! Тебя будут *любить*, когда получишь свободу быть тем, каким быть хочешь и можешь. И сердце скрепилось. Но было ли оно довольно так, как бывает довольным у человека, возвратившегося в тот круг, где его счастье, где его настоящая жизнь?.. Нет! Нет! Сиротство и одиночество ужасно ввиду счастья и счастливых! Гораздо легче быть одиноким в лесу со зверями, в тюрьме с цепями, нежели подле той милой семьи, в которую хотел бы броситься, из которой тебя выбрасывают. Благодаря моему подагрику это все для меня пока сносно. Но когда он от меня отковыляет в дальнюю, неизвестную сторону – тогда быть совсем выброшенным будет даже утешительно – можно разбиться вдребезги. Плещеев уехал во втором часу. У Воейкова заболела голова – его положили в кабинете; сами подкладывали ему под ноги, под голову подушки; я сидел спичкою, и на меня поглядывали с торжествующим, радостным видом – в самом деле торжество и радость. Я посматривал исподлобья, не найду ли где в углу христианской *любви*, внушающей сожаление, пощаду, кротость. Нет! Одно холодное *жестокосердие* в монашеской рясе с кровавою надписью на лбу *должность* (выправленную весьма неискусно из слова *суеверие*) сидело против меня и страшно сверкало на меня глазами. И мне стало страшно, и я ушел к себе отвеждать ничтожества, то есть как-нибудь заснуть...

Но Протасова-старшая никого не хотела слушать и запретила Жуковскому появляться в Муратове. Со своей Машей он вынужден был только переписываться.

Март 1815 г. Муратово

Василий Жуковский – Марии Протасовой

Милая Маша, нам надобно объяснитьсь. Как прежде от тебя одной я требовал и утешения, и твердости, так и теперь требую твердости в добре. Нам надобно знать и исполнить то, на что мы решились, дело идет не о том только, чтобы быть вместе, но и о том, чтобы этого стоить. Следовательно, не по одной наружности исполнять данное слово, а в сердце быть ему верными. Иначе не будет покоя, иначе никакого согласия в чувствах между мною и маменькой быть не может. Сказав ей решительно, что я ей брат, мне должно быть им не на одних словах, не для того единственно, чтобы получить этим именем право быть вместе. Если я ей говорил искренно о моей к тебе привязанности, если об этом и писал, то для того, чтобы не носить маски, – я хотел только свободы и доверенности. Это нас рознило с нею. Теперь, когда все, и самое чувство, пожертвовано, когда оно переменилось в другое, лучшее и нежнейшее, нас с нею ничто не будет рознить. Но, милой друг, я хочу, чтобы и ты была совершенно со мною согласна, чтобы была в этом мне и примером и подпорою, хочу знать и слышать твои мысли. Как прежде ты давала мне одним словом и бодрость, и подпору, так и теперь ты же мне дашь и всю нужную мне добродетель. Чего я желал? Быть счастливым *с тобою*! Из этого теперь должен

³ Так поэт грустно-шутливо говорил о втором своем «я».

выбросить только одно слово, чтобы все заменить. Пусть буду счастлив *тобою!* Право, для меня все равно, *твое счастье* или *наше счастье*. Поставь себе за правило все ограничить одной собою, поверь, что будешь тогда все делать и для меня. Моя привязанность к тебе теперь точно без примеси собственного и от этого она живее и лучше. Уж я это испытал на деле – смотря на тебя, я уже не то думаю, что прежде, если же на минуту и завернется старая мысль, то всегда с своим дурным старым товарищем, грустью, стоит уйти к себе, чтобы опять себя отыскать таким, каким надобно, а это еще теперь, когда я от маменьки ничего не имею, когда я еще ей не брат, – что ж тогда, когда и она со своей стороны все для меня сделает. Я уверен, что грустные минуты пропадут и место их заступят ясные, тихие, полные чистою к тебе привязанностью.

Вчера за ужином прежнее немножко что-то зацепило меня за сердце – но воротясь к себе, я начал думать о твоём счастье, как о моей теперешней заботе. Боже мой, как это меня утешило! Как еще много мне осталось! Не лиши же меня этого счастья! Переделай себя совершенно и будь этим мне обязана! Думай беззаботно о себе, все делай для себя – чего для меня боле? Я буду знать, что я участник в этом милом счастье! Как жизнь будет для меня дорога! Между тем я имею собственную цель – работа для пользы и славы! Не легко ли будет работать? Все пойдет из сердца, и все будет понятно для добрых! Напиши об этом твои мысли – я уверен, что они и возвысят, и утвердят все мои чувства и намерения.

Я сейчас отдал письмо маменьке. Не знаю, что будет. В обоих случаях, *perseverence*⁴! Меня зовут! чудо – сердце не очень бьется. Это значит, что я решился твердо»...

Март 1815 года (Муратово)

Василий Жуковский – Марии Протасовой

...Мы говорили – этот разговор можно назвать холодным толкованием в прозе того, что написано с жаром в стихах. Смысл тот же, да чувства нет. Она мне сказала, чтоб я до июля остался в Петербурге, – потом увидит. Одним словом, той сестры нет для меня, которой я желаю и которая бы сделала мое счастье. Еще она сказала: дай время мне опять сблизиться с Машею, ты нас совсем разлучил. Признаюсь, против этого нет возражения, и если это так, то мне нет оправдания; и я поступаю, как эгоист, желая с вами остаться!

В самом деле! Чего я хочу? Опять только своего счастья? Надобно совсем забыть о нем! Словами и объяснениями его не сделаешь! Маша, чтобы иметь полное спокойствие, не должно ли тебе возвратить мне всех писем моих? Ты знаешь теперь нашу общую цель. Твое счастье! Быть довольным собою! У тебя есть Фенелон⁵ и твое сердце.

Довольно! Твердость и спокойствие, а все прочее Промыслу.

Март 1815 г. Дерпт

⁴ Упорство (*фр.*).

⁵ Франсуа Фенелон, маркиз де Ла Мот-Фенелон – французский священнослужитель, писатель, педагог, богослов, автор знаменитого романа «Приключения Телемака» – литературного бестселлера XVIII–XIX веков.

Василий Жуковский – Марии Протасовой

Расположение, в каком к тебе пишу, уверяет меня, что я не нарушаю своего слова тем, что к тебе пишу. Надобно сказать все своему другу. Я должен непременно тебе открыть настоящий образ своих мыслей. Маша *моя* (теперь *моя* более, нежели когда-нибудь), поняла ли ты то, что заставило меня *решиительно* от тебя отказаться? Ангел мой, совсем не мысль, что я желаю беззаконного, – нет! Я никогда не перемену на этот счет своего мнения и верю, что я был бы счастлив и что Бог благословил бы нашу жизнь! Совсем другое и гораздо лучшее побуждение произвело во мне эту перемену! Твое собственное счастье и спокойствие! Решившись на эту жертву, я входил во все права твоего отца. Другая, нежнейшая связь! Право, эта минута была для меня божественная; если можно слышать на земле голос Божий, то конечно, в эту минуту он мне послышался! С этим чувством все для меня переменялось, все отношения к тебе сделались другие, я почувствовал в душе необыкновенную ясность; то, чего я никогда не имел в жизни, вдруг сделалось моим; я увидел подле себя сестру и сделался другом, покровителем, товарищем ее детей; я готов был глядеть на маменьку другими глазами и, право, восхищался тем чувством, с каким бы называл ее сестрою, – ничего еще подобного не бывало у меня в жизни! Имя сестры в первый раз в жизни меня тронуло до глубины сердца! Я готов был ее обожать; ни в ком, ни в ком (даже и в вас) не имела бы она такого неизменного друга, как во мне; до сих пор имя сестры меня только пугало, оно казалось мне разрушителем моего счастья; после совершенного пожертвования собою оно показалось мне самым лучшим утешением, совершенною всего заменою; боже мой, какая прекрасная жизнь мне представилась! Самое деятельное, самое ясное усовершенствование себя во всем добром! Можно ли, милый друг, изменить великому чувству, которое нас вознесло выше самих себя! Жизнь, освященная этим великим чувством, казалась мне прелестною! Если прежде, когда моя привязанность к тебе была непозволительною, я имел в иные минуты счастье; что же теперь, когда душа от всякого бремени облегчилась и когда я имею право быть довольным собою! Раз испытав прелесть пожертвования, можно ли разрушить самому эту прелесть! С этим великим чувством – как бы счастливо шли мои минуты! Вместо своего частного счастья иметь в виду общее, жить для него и находить все оправдание в своем сердце и в вашем уважении; быть вашим отцом (брат вашей матери имеет на это имя право), называть вас своими и заботиться о вашем счастье – чем для этого не пожертвуешь! И для этого я всем пожертвовал! Так, что и следу бы не осталось скоро в душе моей! Даже в первую минуту я почувствовал, что над собою работать нечего, – стоило только понять меня; подать мне руку сестры! Стоило ей только вообразить, что брат ее встал из гроба и просится опять в ее дом, или лучше вообразить, что ваш отец жив и что он с полною к вам любовью хочет с вами быть опять на свете. С этими счастливыми, скажу смело – добродетельными чувствами, соединялась и надежда вести самый прекрасный образ жизни. Осмотревшись в Дерпте, я уверен, что здесь работал бы я так, как нигде нельзя работать, – никакого рассеяния, тьма пособий и ни малейшей заботы о том, чем бы прожить день, и при всем этом первое, единственное мое счастье – семья. С таким чувством пошел я к ней, к *моей сестре*. Что же в ответ? Расстаться! Она уверяет меня,

что не от недоверчивости, а для сохранения твоей и ее репутации! Милая, эта последняя причина должна бы удержать ее еще в Муратове. Там можно было того же бояться, чего и здесь. Но в Муратове она решилась возвратить меня, несмотря на то, что в своих письмах я говорил совсем противное тому, что теперь говорю и чувствую, нет! эта причина несправедливая! Или должно было меня еще остановить в Москве! И теперь в ту самую минуту, когда я только думал начать жить прекраснейшим образом, все для меня разрушено! Я не раскаиваюсь в своем пожертвовании – можно ли раскаяться когда-нибудь в том, что возвышает душу! Но я надеялся им заплатить за счастье, и я был бы истинно счастлив, если бы она только этого захотела! Если бы она прямо мне поверила; если бы поняла, как чисто и свято то чувство, которым я был наполнен. Что же дают мне за то счастье, которого я требовал? Самую печальную жизнь без цели и прелести! Служить – спрашиваю, для каких выгод? Отказаться от всякого занятия? В Петербурге я не мог бы заниматься, если бы и имел состояние! Убийственное рассеяние утомило бы душу! <...>

Голос брата не дошел до ее сердца! Чтобы тронуть его, я, видно, не имею никакого языка! Я сделаюсь дорог тогда разве, когда меня не будет на свете! Этот страх расстроить репутацию есть только придирка! Почему же он теперь именно, когда все причины к недоверчивости совершенно разрушились, пришел в голову! Для чего вырвать меня из Долбина? Само по себе разумеется, что против этой причины я не мог ничего сказать! Я готов во всяком случае быть за тебя жертвою, но надобно, чтобы жертва была необходима! Здесь – каких толков бояться? Кто подаст к ним повод? А прежние толки пропадут сами собою! Да я первый все усилия употреблю, чтобы все привести в порядок! Между тем мы были бы счастливы, счастливы в своей семье, и свидетель был бы у нас Бог! О, как бы весело было помогать друг другу вести жизнь добродетельную! Я чувствую, я уверен, что было бы легко и что мне даже и усилий никаких не было бы нужно делать над собою! Теперь что мне осталось? Начинать новую жизнь без цели, без бодрости, и за каким счастьем гнаться? Так и быть! Все в жизни к прекрасному средство! Но сердце ноет, когда подумаешь, чего и для чего меня лишили.

29 марта 1815 г. Дертм

Василий Жуковский – Марии Протасовой

Милый друг, надобно сказать тебе что-нибудь в последний раз. У тебя много останется утешения; у тебя есть добрый товарищ: твоя смиренная покорность Провидению. Она у тебя не на словах, а в сердце и на деле. Что могу сказать тебе утешительнее того, что скажет тебе лучшая душа, какая только была на свете, твой Фенелон, которого ты понимать можешь. Я благодарю тебя за то, что ты его мне вчера присылала. Теперь знаю, что у тебя есть неразлучный товарищ, и такой, который всегда умеет дать твердость, надежду и ясность. Я знаю теперь, что каждый день доставит тебе прекрасную минуту. Стоит только войти в себя, поговорить с добрым, нелстивым другом, и все, что вокруг тебя, примет другой вид. Читай же эту книгу беспрестанно. В дополнение к Фенелону пришлю тебе Массильона⁶. Теперь чтение для тебя

⁶ Жан-Батист Массийон (*устар.* Массильон) – французский проповедник XVIII века.

не занятие, а жизнь и усовершенствование сердца и мыслей. Пусть это чтение напоминает тебе обо мне, о человеке, который желал быть твоим товарищем во всем добром. Я никогда не забуду, что всем тем счастьем, какое имею в жизни, обязан тебе, что ты мне давала лучшие намерения, что все лучшее во мне было соединено с привязанностью к тебе, что, наконец, тебе же я был обязан самым прекрасным движением сердца, которое решилось на пожертвование тобою, – опыт, самый благодетельный на всю жизнь; он уверяет меня, что лучшие минуты в жизни те, в которые человек забывает себя для добра и забывает не на одну минуту. Сама можешь судить, что в этом воспоминании о тебе заключены будут все мои должности. Пропади оно – я все потеряю. Я сохраню его как свою лучшую драгоценность. Я веряю себя этому воспоминанию и, право, – не боюсь будущего. Что может теперь в жизни сделаться ужасного для меня, собственно? Во всех обстоятельствах я буду стараться быть таким же, каков теперь. Обстоятельства – дело Провидения. Мысли и чувства в этих обстоятельствах – вот все, что мы можем. И в этом-то постараюсь быть тебя достойным. Впрочем, останемся беззаботны. Все в жизни к прекрасному средство! Я прошу от тебя только одного – не позволяй тобою жертвовать и заботься о своем счастье. Этим ты мне обязана. Я желал бы, чтобы ты более имела свободы заниматься собственным. Выпроси у маменьки несколько часов в дни для чтения – в этом чтении прямая твоя жизнь. Но не читай ничего, что бы было только для пустого развлечения. Малое, но питательное для такого сердца, как твое. Меня утешает теперь мысль, что маменька будет должна теперь к тебе более прежнего привязаться. Против остального – терпение и твердость. Мои тетрадки сбереги. В них нечего переменять, кроме разве одного – везде сестра. Помни же своего брата, своего истинного друга. Но помни так, как он того требует, то есть знай, что он, во все минуты жизни, если не живет, то, по крайней мере, желает жить так, как велит ему его привязанность к тебе, теперь вечная и более, нежели когда-нибудь, чистая и сильная.

Об Воейкове скажу только одно слово. Мне ему прощать нечего. Слепому человеку нужно ли прощать его слепоту? Но каким же убеждением можно заставить себя верить, что он зрячий. Человек, который имеет полную власть осчастливить тебя и который не только этого не делает, но еще делает противное, может ли носить название человека? Этого простить нельзя. Даже трудно удержаться от ненависти. Я не могу и не хочу притворяться. Между им и мною нет ничего общего. Я...

<Две строчки зачеркнуты.> ...Ты мне напомнишь: все к жизни к великому средство! Дай мне способ сделать ему добро: я его сделаю. Но называть белое черным и черное белым и уважать и показывать уважение к тому, что... *<Несколько слов зачеркнуто.>* в этом нет величия; это притворство перед собою и другими.

В этом письме мне не должно бы было говорить о Воейкове. Но должно было отвечать на твое письмо. Я никак не ожидал, чтобы мое пожертвование было так принято. Нет! Меня хотят лишить всякого счастья! Но ты не бойся! Жизнь моя будет тебя стоить! Выключая наперед из нее минуты унылости и сомнения, все прочее будет так, как тебе надобно. Тургенев зовет меня к себе, мы будем жить вместе. У меня есть семья друзей и твое уважение. Я богат. Остальное – Провидению. Дурного быть не может, если сам не будешь дурен. А у меня есть верная защита от всего: воспоминание и perseverance.

Я бы желал, чтобы ты написала мне поболее.

Это было написано вчера поутру. Маша, откликнись. Я от тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради бога, открой мне глаза. Мне кажется, что я все потерял.

К сожалению, с течением времени в позиции Екатерины Афанасьевны ничего не менялось. Она подчеркнуто холодно общалась с поэтом.

А что же сама Мария Протасова? Любила ли она Жуковского? Да. Но она любила и «свою маменьку», понимая при этом, что маменька ей «много сделала несчастливых минут». К тому же Воейков вдруг принялся устраивать дикие сцены ревности. Он даже обещал Екатерине Афанасьевне убить Жуковского, а потом зарезать себя. После ужина он обычно бывал пьян. Единственным избавлением от «тирании Воейкова» могло стать замужество, и выбор Маши, не посмевшей пойти против воли матери, пал на человека достойного во всех отношениях. Но то был не Жуковский...

«Выбор» Марии пал на дерптского хирурга и профессора университета Ивана Филипповича Мойера (Иоганна Мойера). Организовавшая все Екатерина Афанасьевна находила в Мойере лишь один недостаток – он не был дворянином. Брак был объявлен делом решенным, и Жуковский, как внутренне ни был готов к такому исходу, пережил сильнейшее потрясение.

27 ноября 1815 г. Санкт-Петербург

Василий Жуковский – Марии Протасовой

Ты хочешь говорить с мною как с *отцом*. Если это имя не пустое слово, написанное без всякого особенного смысла, то это значит, что мое мнение для тебя так же важно, как мнение отца. Милый друг, ты мне поверишь, когда скажу тебе, что могу без всякого эгоизма думать о твоем счастье и желать его. Итак, я буду говорить как отец, которому все то известно, что делается в сердце у дочери, который на этот счет не хочет обманывать ни себя, ни других, который желает счастья своей дочери для нее, который, думая об ее счастье, не разумеет под ним одного собственного спокойствия. Послушай, мой милый друг, если бы твое письмо написано было хотя полгодом позже, я бы подумал, что время что-нибудь сделало над твоим сердцем и что привязанность к Мойеру, произведенная свычкою, помогла времени; я бы поверил тебе и подумал бы, что ты действуешь по собственному, свободному побуждению; я бы поверил твоему счастью. Но давно ли мы расстались? Нет трех недель, как мое последнее письмо было написано к маменьке! Ты знаешь то, что я чувствовал к тебе, а я знаю, что ты ко мне чувствовала, – могла ли, скажи мне, произойти в тебе та перемена, которая необходимо нужна для того, чтобы ты имела право перед собою решиться на такой важный шаг? Мойеру уже было один раз отказано! Он, вероятно, не делал новых предложений! С чего же пришла тебе *самой* мысль за него идти? Тебе, которая говорила, что для тебя никакого другого счастья не надобно, кроме свободы, неразлучности с маменькой и спокойствия в семье твоей? Нет, милый друг, не ты сама на это решилась! Тебя решили, с одной стороны, требования и упреки, с другой – грубости и жестокое притеснение! Не давши времени твоей душе придти в себя, от тебя требуют последнего жертвования на целую жизнь, называя это жертвование твоим же счастьем и даже не принимая его за жертвование! <...> Основываясь на письме твоем, скажут, что ты всего сама желала, что сделали тебе угодное, и до того, что у тебя в сердце, нет дела. Это видит один

Бог, а не люди! Одним словом, ты бросаешься в руки Мойеру потому, что тебе другого нечего делать! Тебя тащут туда насильно, и еще ты же должна говорить, что ты счастлива! А я вслед за тобою, как твой отец, говорить то же! Нет! Как твой отец, я не могу на это *теперь* согласиться. Если бы я был твой отец не на словах, а на деле, если бы это имя не было мне дано как самое оскорбительное доказательство совершенного бессилия сделать что-нибудь для твоего счастья, я бы поступил иначе; зная твое состояние, я бы прежде всего старался дать тебе время успокоить свое сердце, я бы не стал, как самовластный деспот, располагать всею судьбою твоей жизни; не пожертвовал бы ею *своему* спокойствию, своей прихоти. Зная в своей совести, что я сам причиною всего, что с тобою было, я не вздумал бы к твоему несчастью, мною самим сделанному, прибавить другого, совершенно неизгладимого; я бы заменил для тебя то, что у тебя отнял, произвольно или принужденно, до того нет дела; подле меня нашла бы ты все вознаграждения за потерянное; я не дал бы в семье своей делать тебе жестоких неприятностей, принуждающих тебя все забыть, на все решиться, чтобы после во всем раскаиваться: одним словом, я был бы твой отец, утешитель, товарищ! Не думал бы об одном себе! Ты была бы свободна, спокойна; время все бы исправило! Тогда без принуждения, без всякого упрека совести, ты выбрала бы для себя счастье верное, то есть хорошее променяла бы на лучшее и не была бы жертвою моей прихоти, моего эгоизма; и я был бы счастлив, потому что был бы тогда уверен в твоем счастье! Так бы я поступил, если бы был твой отец или твоя мать. Но теперь кто уверит меня, что ты поступаешь свободно?

28 ноября 1815 года (Санкт-Петербург)

Василий Жуковский – Марии Протасовой

Ты хочешь дать мне свое место в семье твоей матери. Нет, Маша! Я просил тебя тысячу раз: не думай обо мне, заботься о своем счастье! Будь счастлива для себя, тогда и все мое желание исполнится. Мне занять твое место! Прошу на этот счет не обманываться! <...> Я совершенно отказался от невозможного. И твоей матери нечего бояться! Если она думает, что я жду смерти ее, чтобы возобновить все, – этот страх напрасен! Для ее успокоения ты можешь дать ей какую хочешь клятву, а я не захочу никогда взять руки твоей на гробе твоей матери. Она сделала из меня какое-то чудовище, которого боится, и этот страх даже ее самое приводит к преступлению. Если замужеством своим ты надеешься дать мне семейное счастье и возвратить меня в свою семью – эта надежда совершенно пустая. Я был бы истинным другом, истинным братом твоей матери и еще остался бы ей благодарен, когда бы видел, что она, разделив и твое и мое горе, облегчила бы его всем, что от нее зависит, – думая единственно, как бы утешить тебя и тебе дать совершенное спокойствие. Твое счастье было бы величайшим ее благодеянием и мне. Мы были бы розно <...> но это розно не разорвало бы дружбы; у нас было бы одно – твое счастье! И как легко его сделать – быть просто матерью, другом и утешителем, а не притеснителем, который всем готов жертвовать своему эгоизму. Пожертвовав собою, не думай из меня сделать ей друга – этим не заманишь меня в ее семью! Скорей соглашусь двадцать раз себе разбить голову, нежели искать места в этой семье! Какими глазами буду смотреть на нее! Какое чувство буду иметь к ней

в своем сердце! Я не постигаю, как могла придти тебе в голову такая мысль и за кого ты меня считаешь! Но скажи мне, чего она боится? За что хочет убить тебя? Неужели надеется найти в аптеках лекарство от твоих болезней, которые сама производит?

Одним словом, чтобы все кончить, я могу только согласиться на *твое счастье* – в этом пожертвовании я не вижу его; я не вижу его для тебя в замужестве, по крайней мере теперь его для тебя в замужестве быть не может. Разве забыла она своих двух сестер и своего брата? Разве забыла, что ты в начале этого месяца была при смерти? А что смерть пред тою жизнью, которую она тебе готовит! Она могла бы тебя осчастливить, а она тебя гонит от себя! Я не могу согласиться на замужество твое, *теперь* не могу!

И все же 14 января 1817 года Маша Протасова обвенчалась с Мойером. Жуковский нашел в себе силы приветствовать этот брак.

25 апреля 1817 г. Дерпт

Василий Жуковский – Ивану Тургеневу

Трудно было решиться, но минута, в которую я решился, сделала из меня другого человека, и, к несчастью, эта перемена сделалась слишком скоро. Я хлебнул из Леты и чувствую, что вода ее усыпительна. Душа смягчилась. К счастью, на ней не осталось пятна; зато бела она, как бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто – моя теперешняя болезнь, столь же опасная, как первая, и почти похожая на смерть <...> Мое теперешнее положение есть усталость человека, который долго боролся с сильным противником, но, боровшись, имел некоторую деятельность; борьба кончилась, но вместе с нею и деятельность. К этой деятельности душа моя привыкла: эта деятельность была до сих пор всему источником <...> Но не бойся! Я не упаду. По крайней мере, я надеюсь воскреснуть <...> Я смотрю на счастье, которое мне не принадлежит, спокойно; в те минуты, в которые способен я живо чувствовать, оно только радует меня, и никакое другое чувство не смешано с этою радостью. Но вообще нахожу в себе равнодушие, для меня тяжелое, и это равнодушие – во мне самом; внешних причин искать не надобно. Оно похоже на сон, который производит иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчит, и я сплю! Из этого сна должно непременно выйти!

В 1820 году Мария Андреевна сильно болела после первых тяжелых родов.

1 ноября 1820 г. Берлин

Василий Жуковский – Марии Мойер

Маша, милый друг, напиши мне о своем малютке. За неимением твоих писем перечитываю твою книжку и, кажется, слышу тебя: это бесценный подарок! Тут вся ты, мой милый друг и благодетельный товарищ. В твоём сердце ничто не пропало; еще, кажется, ты стала лучше; настоящая твоя жизнь, исполнение твоих должностей усовершенствовали тебя, и ничто не пропало в пустоте рассеяния. Читать твою книжку есть для меня оживать. *И много милых теней восстает.*

А 18 марта 1823 года Мария Андреевна, родив мертвого мальчика, скончалась. Жуковский, который незадолго до этого гостил у Мойеров и за десять дней до смерти Марии покинул Дерпт, не успел на ее похороны.

О том, как Жуковский переносил это горе, свидетельствует письмо А. П. Елагиной.

28 марта 1823 г. Дерпт

Василий Жуковский – Авдотье Елагиной

Кому могу уступить святое право, милый друг, милая сестра, я теперь вдвое против прежнего говорить с вами о последних минутах нашего земного Ангела, теперь небесного <...> Она с нами на все то время, пока здесь еще пробудем. Не вижу глазами ее, но знаю, что она с нами и более наша, – наша спокойная, радостная, товарищ души, прекрасный, удаленный от всякого страдания <...> Не будем говорить: ее нет! *C'est blaspheme!*⁷ Слезы льются, когда мы вместе и не видим ее между нами <...> Ее могила будет для нас местом молитвы <...> На этом месте одна только мысль о ее чистой, ангельской жизни, о том, что она была для нас живая, и о том, что она ныне для нас есть небо.

Последние дни ее были веселы и счастливы. Но не пережить родин своих было ей назначено, и ничто не должно было ее спасти. Положение младенца было таково, что она не могла родить счастливо; но она не страдала, и муки родин не сильные и не продолжительные. В субботу 17-го марта она почувствовала приближение решительной минуты; поутру были легкие муки – к обеду уже успокоилось <...> К вечеру сделались муки чаще, но и прежде и после их была потеря крови, и в ней-то причина смерти. Ребенок родился мертвый – мальчик. В минуту родин она потеряла память – пришла через несколько времени в себя; но силы истощились, и через полчаса все кончилось! Они все сидели подле нее, смотрели на ангельское спящее помолодевшее лицо, и никто не смел четыре часа признаться, что она скончалась. Боже мой! А меня не было! В эти минуты была вся жизнь, а я должен был их не иметь! Я должен был не видеть ее лица, ясного, милого, веселого, уверяющего в бессмертии, ободряющего на всю жизнь. Саша говорит, что она не могла на нее наглядеться.

Шесть лет после этого Жуковский не сочинял стихи, идущие из сердца, писал только заказанные царским двором дежурные строки. Какое-то время он жил в деревне со своими родными. Позже, перебравшись в Санкт-Петербург, он получил назначение преподавателя русской словесности для императрицы Александры Федоровны (тогда великой княгине). Когда наступила пора воспитывать ее сына, великого князя Александра Николаевича, Жуковский был избран в наблюдатели за преподаванием наук будущему Александру II. Во время поездок за границу для поправления здоровья он познакомился в Дюссельдорфе с дворянином Герхардом (Евграфом Романовичем) Рейтерном, в Отечественную войну 1812 года служившим в одном из русских полков и в сражении потерявшим правую руку. А познакомившись позже и с семейством Рейтернов, Жуковский встретил наконец свое семейное счастье.

В 58 лет Жуковский решился венчаться в православной церкви при русском посольстве в Штутгарте с 20-летней Елизаветой, старшей дочерью отставного полковника Рейтерна. Они соединили свои судьбы, когда было кончено воспитание его императорского высочества.

⁷ Это богохульство! (фр.)

Последние годы своей жизни Жуковский провел в кругу, избранном его сердцем, и Богу было угодно благословить его брак: у него родилась дочь Александра, а потом сын Павел.

Александр Грибоедов

Александр Сергеевич Грибоедов, автор знаменитой комедии «Горе от ума», был дипломатом и служил в 1822 году в Тифлисе, где часто посещал дом наместника Нахичеванской и Эриванской областей князя Александра Герсевановича Чавчавадзе. Они близко сошлись, ибо князь Александр сам был поэтом-романтиком и более других мог понять и оценить его. Кроме того, Грибоедов давал Нине, дочери князя, родившейся в 1812 году, уроки музыки. Вернувшись из Персии в 1828 году, Александр Сергеевич провел несколько месяцев в Тифлисе. Снова посетив дом друга, он был поражен красотой выросшей Нины. По воспоминаниям Н. Н. Муравьева-Карского, Грибоедов поначалу распускал слухи о своей влюбленности в Нину, чтобы позлить другого ее поклонника – Сергея Ермолова, сына знаменитого генерала. Но 16 июня 1828 года он решился признаться ей в любви, а затем получил согласие отца на брак.

22 августа (3 сентября) 1828 года влюбленные торжественно обвенчались в тифлисском соборе Сиони. Грибоедову было 33 года, а Нине – всего 15 лет.

Казалось бы, чего еще можно желать? Слава, значительность положения, радость семейной жизни – все это устроилось для Грибоедова в 1828 году. Но счастье продолжалось недолго: всего восемь месяцев.

Вскоре после свадьбы по служебной надобности Грибоедов был вынужден снова поехать в Персию. Молодая жена сопровождала его в пути до Тебриза, уже будучи беременной и часто болея. Не желая подвергать Нину тяготам опасного путешествия и жизни на чужбине, Грибоедов в декабре 1828 года отправился в Тегеран один, попрощавшись с женой и оставив ее в городе, где она прожила несколько месяцев.

В одном из редких писем из Тегерана Грибоедов посоветовал ей возвращаться в Тифлис, так как его миссия в Персии затягивалась. При содействии отца Нине удалось благополучно вернуться в Грузию.

*24 декабря 1828 г. Казбин
Сочельник*

Александр Грибоедов – Нине Чавчавадзе

Душенька. Завтра мы отправляемся в Тегеран, до которого отсюда четыре дни езды. Вчера я к тебе писал с нашим одним подданным, но потом расчел, что он не доедет до тебя прежде двенадцати дней, так же к m-me Macdonald, вы вместе получите мои конверты. Бесценный друг мой, жаль мне тебя, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя, и тоска исчезала, теперь чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда боле не разлучаться.

Пленные здесь меня с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят возвратиться. Для них я здесь даром прожил, и совершенно даром.

Дом у нас великолепный и холодный, каминов нет, и от мангалов у наших у всех головы пересохли.

Вчера меня угощал здешний визирь, Мирза Неби, брат его женился на дочери здешнего Шахзады, и свадебный пир продолжается четырнадцать дней, на огромном дворе несколько комнат, в которых угощение, лакомство, ужин, весь двор покрыт обширнейшим полотняным навесом, вроде палатки, и

богато освещен, в середине театр, разные представления, как те, которые мы с тобою видели в Табризе, кругом гостей человек до пятисот, сам молодой ко мне являлся в богатом убранстве. Однако, душка, свадьба наша была веселее, хотя ты не Шахзадинская дочь и я не знатный человек. Помнишь, друг мой неоцененный, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь, как я тебя в первый раз поцеловал, скоро и искренно мы с тобой сошлись, и навеки. Помнишь первый вечер, как маменька твоя и бабушка и Прасковья Николаевна сидели на крыльце, а мы с тобою в глубине окошка, как я тебя прижимал, а ты, душка, покраснелась, я учил тебя, как надобно целоваться крепче и крепче. А как я потом воротился из лагеря, заболел, и ты у меня бывала. Душка!..

Когда я к тебе ворочусь! Знаешь, как мне за тебя страшно, все мне кажется, что опять с тобою то же случится, как за две недели перед моим отъездом. Только и надежды, что на Дереджану, она чутко спит по ночам и от тебя не будет отходить. Поцелуй ее, душка, и Филиппу и Захарию скажи, что я их по твоему письму благодарю. Если ты будешь ими довольна, то я буду уметь и их сделать довольными.

Давеча я осматривал здешний город, богатые мечети, базар, каравансарай, но все в развалинах, как вообще здешнее государство. На будущий год, вероятно, мы эти места вместе будем проезжать, и тогда все мне покажется в лучшем виде.

Прощай, Ниночка, ангельчик мой. Теперь 9 часов вечера, ты, верно, спать ложишься, а у меня уже пятая ночь, как вовсе бессонница. Доктор говорит, от кофею. А я думаю, совсем от другой причины. Двор, в котором свадьбу справляют, недалек от моей спальни, поют, шумят, и мне не только не противно, а даже кстати, по крайней мере, не чувствую себя совсем одиноким. Прощай, бесценный друг мой, еще раз, поклонись Агалобеку, Монтису и прочим. Целую тебя в губки, в грудь, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно.

Весь твой А. Гр.

Завтра Рождество, поздравляю тебя, миленькая моя, душка. Я виноват (сам виноват и телом), что ты большой этот праздник проводишь так скучно, в Тифлисе ты бы веселилась. Прощай, мои все тебе кланяются.

А в начале 1829 года Нина узнала о разгроме русской миссии в Тегеране толпой фанатиков и об убийстве мужа (это от нее пытались скрыть, опасаясь за ее здоровье). Страшные новости привели к преждевременным родам и смерти ребенка.

Что же произошло?

30 января (11 февраля) 1829 года в русской дипломатической миссии устроили резню исламские фанатики, среди погибших оказался и глава миссии, Александр Сергеевич Грибоедов.

Основной задачей Грибоедова было добиться от шаха выполнения статей мирного договора, и в частности, выплаты контрибуции по итогам Русско-персидской войны. Кроме того, начиная с января 1829 года, в посольстве находили убежище армяне, просившие Грибоедова о помощи в возвращении на родину, которая к тому времени стала частью Российской империи. Несмотря на возможность опасных последствий для себя и посольства в целом, Грибоедов разрешил армянам укрыться в посольстве. Именно это и послужило причиной для недоволь-

ства исламских фанатиков, которые начали настраивать население против русских на базарах и в мечетях.

В результате толпа тегеранцев, возглавляемая людьми Аллаяр-хана, напала на русское посольство. Зачинщики беспорядков быстро потеряли контроль над толпой. Охрана русской миссии, состоявшая из 35 казаков, оказала сопротивление, но силы были неравны. Град камней все усиливался, и Грибоедов напрасно старался обращаться к народу: «никакой голос не мог бы быть внятным в такую страшную суматоху».

Из всей русской миссии спасся лишь секретарь И. С. Мальцов, сумевший спрятаться во время резни (он завернулся в ковер в углу комнаты, где стояли другие свернутые ковры).

Александр Пушкин

Весной 1820 года Александра Сергеевича Пушкина, работавшего в Коллегии иностранных дел, но при этом уже известного поэта, написавшего стихи «К Чаадаеву», «Вольность» и работавшего над поэмой «Руслан и Людмила», отправили за его едкие эпиграммы из столицы на юг, в кишиневскую канцелярию генерала И. Н. Инзова. А в 1824 году он был сослан в имение своей матери, в Михайловское.

Александр Сергеевич очень тяготился очередной ссылкой и самовольно покинул Михайловское, решив, что пришла ему пора жениться. В 1828 году он посватался к молоденькой Анне Олениной, но получил отказ: родители не хотели, чтобы их дочь вышла замуж за «гуляку праздного» (пусть и признанного поэта), который к тому же был под надзором полиции. Отказали Пушкину и в других местах, где он пытался искать счастья.

Вскоре Пушкин посватался к бесприданнице Наталье Николаевне Гончаровой, которую встретил в декабре 1828 года на балу.

В апреле следующего года он попросил ее руки, но и тут не нашел понимания.

Конец августа 1830 г. Москва

Александр Пушкин – Наталье Гончаровой

Я отправляюсь в Нижний, не зная, что меня ждет в будущем. Если ваша мать решилась расторгнуть нашу помолвку, а вы согласны повиноваться ей, я подпишусь под всеми предложениями, какие ей будет угодно выставить мне, даже и в том случае, если они будут настолько же основательны, как сцена, сделанная ею мне вчера, и оскорбления, которыми ей угодно было меня осыпать.

Может быть, она права, а я был неправ, думая одну минуту, что я был создан для счастья. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же до меня, то я даю вам честное слово принадлежать только вам или никогда не жениться.

Через год Пушкин вторично сделал предложение, и лишь тогда согласие на брак было получено. Венчание состоялось 18 февраля (2 марта) 1831 года. Оно произошло в московской церкви Большого Вознесения, что до сих пор стоит у Никитских Ворот. Говорят, при обмене кольцами кольцо Пушкина упало на пол, а потом у него погасла свеча, а это, как известно, плохие предзнаменования...

Осенью 1831 года Пушкины переехали в Санкт-Петербург и поселились в доме на Галерной улице. Красота Натальи Николаевны произвела впечатление в обществе, и поэт поначалу очень гордился светскими успехами своей жены.

19 мая 1832 года Наталья Николаевна родила дочь Марию, а 6 июля 1833 года – сына Александра.

17 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву

Александр Пушкин – Наталье Пушкиной

Что, женка? Каково ты едешь? Что-то Сашка и Машка? Христос с вами! Будьте живы и здоровы и доезжайте скорее до Москвы. Жду от тебя письма из Новгорода. <...> Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма и ожидая, чтоб ты, мой ангел, позвонила, как явился ко мне Соболевский с вопросом,

где мы будем обедать? Тут вспомнил я, что я хотел говеть, а между тем уж оскоромился. Делать нечего; решились отобедать у Дюме⁸; и покамест стали приводить в порядок библиотеку. Тетка приехала спросить о тебе и, узнав, что я в халате и оттого к ней не выхожу, сама вошла ко мне – я исполнил твою комиссию, поговорили о тебе, потужили, побеспокоились; и решились тебе подтвердить наши просьбы и требования – беречь себя и помнить наши наставления. Потом явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселие: холостой, холостой Пушкин! Стали потчевать меня шампанским и пуншем и спрашивать, не поеду ли я к Софье Остафьевне? Все это меня смутило, так что я к Дюме являться уж более не намерен и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beafsteaks. Вечер провел я дома, сегодня проснулся в семь часов и стал тебе писать сие подробное донесение.

19 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву

Александр Пушкин – Наталье Пушкиной

Душка моя, посылаю тебе два письма, которые я распечатал из любопытства и скупости (чтоб меньше платить на почту весовых денег), также и рецепт капель. Сделай милость, не забудь перечитать инструкцию Спасского и поступать по оной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чем дальше едешь, тем тебе легче; а мне!.. Сестры твои тебя ждут; воображаю вашу радость; смотри, не сделайся сама девочкой, не забудь, что уж у тебя двое детей, третьего выкинула, береги себя, будь осторожна; пляши умеренно, гуляй понемножку, а пуще скорее добирайся до деревни. Целую тебя крепко и благословляю всех вас. Что Машка? Чай, куда рада, что может вволю воевать! Теперь вот тебе отчет о моем поведении. Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского. Третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем⁹. Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Сергеевич является. Я перед ним извинился как перед гастрономом, что, не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beafsteaks. Лев Сергеевич тому и рад. Садимся за стол; подают славную ботвинью; Лев Сергеевич хлебает две тарелки, утирает осетрину, наконец требует вина; ему отвечают, нет вина. – Как, нет? – Александр Сергеевич не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Натальи Николаевны я на диете – и пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеевича, который уже ко мне, вероятно, обедать не явится. Во все время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал – и потчевал Льва Сергеевича, который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений. С нетерпением ожидаю твоего письма из Новгорода <...> Покамест – прощай, ангел мой. Целую вас и благословляю. Вчера был у нас первый гром – слава богу, весна кончилась.

20 и 22 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву

⁸ Ресторан в Санкт-Петербурге, открытый в начале 1820-х годов французом Андрие (бывшим наполеоновским военнопленным 1812 года, оставшимся в России). В конце 1820-х годов Андрие вернулся на родину и владельцем заведения стал его соотечественник Дюме, а с середины 1830-х годов – вдова последнего. «У Дюме» собирались знатоки французской кухни, устраивались званые обеды. В этом ресторане Пушкин в 1834 году познакомился с Дантесом.

⁹ Лев Сергеевич Пушкин – младший брат А. С. Пушкина и его литературный секретарь.

Пятница

Александр Пушкин – Наталье Пушкиной

Ангел мой женка! Сейчас получил я твое письмо из Бронниц – и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка. Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдет благополучно и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфиородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет. Теперь полно врать; поговорим о деле; пожалуйста, побереги себя, особенно сначала; не люблю я Святой недели в Москве; не слушайся сестер, не таскайся по гуляниям с утра до ночи; не пляши на бале до заутрени. Гуляй умеренно, ложись рано. Отца не пускай к детям, он может их испугать и мало ли что еще. Пуше береги себя во время регул – в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки, не марай себе воображения, женка. Кокетничать позволяю, сколько душе угодно. Верхом ездите не на бешеных лошадях <...> Сверх того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не совестясь и не церемонясь.

Воскресение

Христос воскрес, моя милая женка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. Письмо твое мне из головы нейдет. Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь простоишь у всеночной, и теперь лежишь в растяжку в истерике и лихорадке. Вот что меня тревожит, мой ангел. Так, что голова кругом идет и что ничто другое в ум не лезет. Дождусь ли я, чтоб ты в деревню удрала! Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии, потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров. Кочубей сделан канцлером; множество милостей; шесть фрейлин, между прочими твоя приятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нет. Жаль и досадно. Наследник был очень тронут; государь также. Вообще, говорят, все это произвело сильное действие. С одной стороны, я очень жалею, что не видел сцены исторической и под старость нельзя мне будет говорить об ней как свидетелю. Еще новость: Мердер умер; это еще тайна для великого князя и отравит его юношескую радость. Аракчеев также умер. Об этом во всей России жалею я один – не удалось мне с ним свидеться и наговориться. Тетка подарила мне шоколадный бильярд – прелесть. Она тебя очень целует и по тебе хандрит. Прощайте, все мои. Христос воскрес, Христос с вами.

30 апреля 1834 г. Из Петербурга в Москву

Александр Пушкин – Наталье Пушкиной

Жена моя милая, женка мой ангел – я сегодня уж писал тебе, да письмо мое как-то не удалось. Начал я было за здравие, да свел за упокой. Начал нежностями, а кончил плюхой. Виноват, женка. Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим. Прощаю тебе бал у Голицыной и поговорю тебе о бале вчерашнем, о котором весь город говорит и который, сказывают, очень удался. Ничего нельзя было видеть великолепнее. Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках; что было истинное поэтическое явление). О туалетах справлюсь и дам тебе знать. Я писал тебе, что у меня в клобе украли деньги; не верь, это низкая клевета: деньги нашлись и мне принесены. Напрасно ты думаешь, что я в лапах у Соболевского и что он пакостит твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять с Sophie Karantzine. Она сегодня на свадьбе, у Бакуниной. Есть еще славная свадьба: Воронцов женится – на дочери К. А. Нарышкина, которая и в свет еще не выезжает. Теперь из богатых женихов остался один Новомленский, ибо Сорохтин, ты говоришь, умре. Кого-то выберет он? Александрю ли Николаевну или Катерину Николаевну? Как думаешь? Это письмо, вероятно, получишь ты уже в Яропольце <...>

Прощай, жена, целую и благословляю тебя и вас.

А.П.

Около 5 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец

Александр Пушкин – Наталье Пушкиной

Что это, жена? Вот уже пять дней как я не имею о тебе известия. Надеюсь, что хлопоты отъезда и приезда одни помешали тебе ко мне писать и что ты и дети здоровы. Пишу к тебе в Ярополец. Не знаю, куда отправить тебе деньги, в Москву ли, в Волоколамск ли, в Калугу ли? На днях на что-нибудь решусь. Что тебе сказать о себе: жизнь моя очень однообразна. Обедаю у Дюме часа в два, чтоб не встретиться с холостой шайкою. Вечером бываю в клобе. Вчера был у княгини Вяземской, где находилась и твоя графиня Соллогуб. Оттуда поехал я к Одоевскому, который едет в Ревель. Тетку вижу часто, она беспокоится, что давно нет об тебе известия. Погода у нас славная, а у вас, вероятно, еще лучше. Пора тебе в деревню на лекарство, на ванны и на чистый воздух.

12 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец

Александр Пушкин – Наталье Пушкиной

Какая ты дура, мой ангел! конечно я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалергардом. Из этого еще не следует,

что я равнодушен и не ревнив. Я отправил тебя из Петербурга с большим беспокойством; твое письмо из Бронницы еще более меня взволновало. Но когда узнал я, что до Торжка ты доехала здорова, у меня гора с сердца свалилась, и я не стал сызнова хандрить. Письмо твое очень мило; а опасения насчет истинных причин моей дружбы к Софье Карамзиной очень приятны для моего самолюбия. Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у Карамзиных, ей не встать брюха на такую лестницу; кажется, она уже на даче; графиня Соллогуб там также не бывает, но я видел ее у княгини Вяземской. Волочиться я ни за кем не волочусь. У меня голова кругом идет. Не рад жизни, что взял имение, но что ж делать? Не для меня, так для детей. Тетка вчера сидела у меня, она тебя целует. Вчера был большой парад, который, говорят, не удался. Царь посадил наследника под арест. Сюда ожидают прусского принца и много других гостей. Надеюсь не быть ни на одном празднике. Одна мне и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать да жрать мороженое.

16 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец

Александр Пушкин – Наталье Пушкиной

Давно, мой ангел, не получал я от тебя писем. Тебе, видно, было некогда. Теперь, вероятно, ты в Яропольце и уже опять собираешься в дорогу. Такая тоска без тебя, что того и гляди приеду к тебе. Говорил я со Спасским о Пирмонтских водах; он желает, чтобы ты их принимала; и входил со мною в подробности, о которых по почте не хочу тебе писать, потому что не хочу, чтоб письма мужа к жене ходили по полиции. Пиши мне о своем здоровье и о здоровье детей, которых целую и благословляю.

18 мая 1834 г. Из Петербурга в Ярополец

Александр Пушкин – Наталье Пушкиной

Мой ангел! Поздравляю тебя с Машиним рождением, целую тебя и ее. Дай бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник. Ты так давно, так давно ко мне не писала, что несмотря на то, что беспокоиться по-пустому я не люблю, но я беспокоюсь. Я должен был из Яропольца получить по крайней мере два письма. Здорова ли ты и дети? Спокойна ли ты? Я тебе не писал, потому что был зол – не на тебя, на других. Одно из моих писем попало полиции и так далее. Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, что может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет.

Вчера я был в концерте, данном для бедных в великолепной зале Нарышкина, в самом деле великолепной. Как жаль, что ты ее не видала. Пели новую музыку Вьельгорского на слова Жуковского. Я никого не вижу, нигде

не бываю; принялся за работу и пишу по утрам. Без тебя так мне скучно, что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Вот уж месяц живу без тебя; дотяну до августа; а ты себя береги; боюсь твоих гуляний верхом. Я еще не знаю, как ты едешь; вероятно, смело; да крепко ли на седле сидишь? Вот запрос. Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! Да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить баринном! Неприятна зависимость; особенно, когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя. Благословляю всех вас, детушки.

3 июня 1834 г. Из Петербурга в Полотняный завод

Александр Пушкин – Наталье Пушкиной

Что это, мой друг, с тобою делается? Вот уж девятый день, как не имею о тебе известия. Это меня поневоле беспокоит. Положим: ты выезжала из Яропольца, все-таки могла иметь время написать мне две строчки. Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство <...> Начала ли ты железные ванны? есть ли у Маши новые зубы? и каково перенесла она свои первые? У меня, отгадай, кто теперь остановился? Сергей Николаевич, который приехал было в Царское Село к брату, но с ним поборился и принужден был бежать со всем багажом. Я очень ему рад. Шашки возобновились. <...> Я большею частью дома и в клобе. Веду себя порядочно, только то нехорошо, что расстроил себе желудок; и что желчь меня так и волнует. Да от желчи здесь не убережешься. Новостей нет, да хоть бы и были, так не сказал бы. Целую всех вас, Христос с вами. Отец и мать на днях едут в деревню; а я хлопочу. Лев ходит пешком в Царское Село, а Соболевский в Ораниенбаум. Видно, им делать нечего. Прощай, мой ангел. Не сердись на холодность моих писем. Пишу скрепя сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.